

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Материалы

I Международной научно-практической конференции

18 – 19 июня 2015

Москва

Министерство образования и науки Российской Федерации
Московский государственный гуманитарный университет
имени М.А. Шолохова

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Материалы

I Международной научно-практической конференции

МГГУ им. М.А. Шолохова, 18–19 июня 2015 г.
(г. Москва)

Москва
2015

УДК 159,9
ББК 88,5
П78

*Печатается по решению кафедры общей,
возрастной и педагогической психологии Института
психологии, педагогики и управления человеческими
ресурсами МГГУ имени М.А. Шолохова*

Ответственные редакторы:

М.И. Розенова — доктор психологических наук, доцент
МГГУ им. М.А. Шолохова;

В.В. Ермолаев — кандидат психологических наук, доцент
МГГУ им. М.А. Шолохова;

Э.В. Лихачёва — кандидат психологических наук, доцент
МГГУ им. М.А. Шолохова

П78 **Проблемное поле современной семьи** : материалы I Международ-
ной научно-практической конференции. МГГУ им. М.А. Шолохова
18–19 июня 2015 г. (г. Москва) / Отв. ред. М.И. Розенова, В.В. Ермо-
лаев, Э.В. Лихачёва. — М. : ООО «Диона», 2015. — 250 с.
ISBN 978-5-9906494-4-6

В сборнике представлены материалы I Международной научно-прак-
тической конференции, состоявшейся 18–19 июня 2015 года на базе Мо-
сковского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова
при участии Белорусского государственного педагогического университета
им. Максима Танка.

В материалах конференции отражены идеи и исследования в области
проблем современной семьи, озвученные и получившие развитие в дискуссиях,
докладах, мастер-классах и на круглом столе конференции.

Издание содержит работы преподавателей, ученых, студентов и аспиран-
тов разных стран. Публикация имеет целью активизировать и стимулировать
дальнейшие исследования в области семейной проблематики, популяризиро-
вать психологические знания в целях повышения психологической грамотно-
сти и осведомленности населения, а также привлечь внимание широкой обще-
ственности и органов управления страны к идее необходимости системной
работы и исследований в области семьи.

Сборник рекомендован для практикующих психологов, ученых, препода-
вателей и студентов психологических факультетов, а также может быть инте-
ресен и полезен широкому кругу интересующихся читателей.

УДК 159,9
ББК 88,5

ISBN 978-5-9906494-4-6

© Московский государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова, 2015
© Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка, 2015
© Оформление. ООО «Диона», 2015

Семья в дискурсе виртуальной реальности

Малиновский Евгений Леонтьевич

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка

доцент кафедры общей и педагогической психологии

кандидат психологических наук, доцент

Беларусь

Дискурс «7—Я» провоцирован «распутьем» (discurs) количественного (7) и качественного (Я) измерений личности. Если ее становление сопряжено с реальным ходом или бегом жизни — curriculum Vitae — дискурс на поверку оказывается воображающим вхождением в собственную индивидуальность. Индивидуальность настолько продуктивна, насколько семиотически уникальна порожденная ею «ячейка общества» (Ф. Энгельс). Происхождение белорусской семьи в тенденции материнской гиперпротекции — «Люба мамка ты мне, ажані ж ты мяне» — сопровождается динамикой феминной инициативы брака: «Я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Реальность защитных механизмов в семейных отношениях не подвержена дискурсу, как библейский Левиафан. Виртуальный дискурс — это речевое поведение личности, осознающей свою индивидуальность в воображаемом выборе автора. Недоступная воображению мужа женская реальность противостоит недоступности женственной символизации мужа. Так, в символизации карьеры реальность редуцируется, повторяется, в силу чего унифицируется бессознательным, как и другие символические объекты: «Столовые и детские сады — ростки коммунизма» (В.И. Ленин). Утрата критической оценки общепита и общественного воспитания равносильна утрате авторства. Вместе с тем, жена-личность — это автор, устраивающий новую виртуальную реальность: «Мудрая жена устроит свой дом, а глупая разрушит своими руками» [Притч 14]. Такое устройство невозможно без мужества. Мужество (лат. Virtus) является атрибутом homo sapiens, а «примат интеллекта над верой» служит, по Фоме Аквинскому, первой научной

интенцией *cognitio dei experimentalis*, экспериментального постижения Бога. Отсюда «утратить способность к интеллектуальному усилию равносильно утрате виртуальной реальности» [1].

Разведение лакановских понятий «воображаемое», «символическое», «реальное» в дискурсе «социального» и «виртуального» сопутствует идентичности супругов в рамках психологической культуры. Для такой идентичности необходимо знать, кто есть социальный и кто виртуальный психолог? Социальный психолог голый, как Адам и как «Спящий социальный работник», который оставлен Люсьеном Фрейдом даже без «фиговых листьев» зарплаты. Его клиент социализированно непьющий, но реально аддитивный, орально фиксированный на женщине без границ, позволяющий ей контролировать себя и пытающийся контролировать других. Это субъект, альтернативный классическим представлениям мужа-отца как надежного суверена добра и справедливости, генератора любви и веры. Социальный же муж-сын фиксирован также на анальной стадии психосексуального развития с усвоенной моделью *мужика* (с ударением на первый слог), функционера, закрученного на ролевом поведении при пересечении различных символических структур бессознательного. Для данной модели отношений характерна смена атрибутики: не семья является атрибутом патриарха, но папа оказывается атрибутом семьи в материнской школе. Сам по себе папаша не есть «некто» иной, благородно дистанцированный, но, как и все мамыны дети, заполняемый реальной функцией: «ученик», «добытчик», «водитель», «спонсор», «аниматор». Отсюда скрытый конфликт между символическим носителем количественных ролей и воображаемым «Я» — источником желания.

В отличие от «Спящего социального работника», виртуальный психолог обладает альтернативным рамочным (*frame*) расширением эмпирических возможностей семьи в «новой как хорошо забытой старой» мудрости. С точки зрения Д.У. Винникота, «достаточно хорошей теорией» может вполне оставаться классический психоанализ в его дополнении психотерапией объектных отношений, где центральное место отводится потребности субъекта быть сцепленным (*coherence*) с объектами либидо: «Где было Я, должно стать Оно». Когерентность семейных отношений характеризуется смещением акцента от поиска удовольствия к поиску объекта и фиксации на нем. Если от фиксации наметить переход к совладанию, например якорению, то в качестве целостного объекта выступает реальная личность, брак и семья [2]. Пристальное внимание к чувству вины как отсутствию целостного ощущения своего «Я» привело Винникота к пониманию парциального

объекта как топики, а не логики семьи. Под термином «парциальный объект» автор подразумевает мысленную репрезентацию фантазий, идей и воспоминаний человека с его сублимированными реальными представлениями; в наших условиях это: «Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной»; «Для кого Церковь не мать, тому и Бог не отец» (Тертуллиан); «Царь-батюшка» и «Родина-мать зовёт». Признание Винникотом наличия эдиповой и доэдиповой патологии с метафорой транспозиционных, переходных объектов и феноменов личностного роста установило предположение, что унаследованный потенциал ребенка не может быть реализован вне кормящего материнства и проходит три стадии топологической «разгадки Сфинкса»:

1. Удерживающая (Holding) «на четырех» фаза дикости доэдипового окружения, погружающая синкретную личность ребенка в первобытно-общинный объект: родители (при инцестуальном множестве отцов), природный животный страх, снимаемый материнской грудью.

2. Проживание «на двоих» *alma mater* с ребенком как «социальным животным» (Аристотель) в дистанции неведения о конфронтации отца по отношению к материализму парциальных объектных отношений.

3. Отец, мать и сын (*filio*) живут «на троих» в эгалитарном трансфере *αυτή* как целостном объекте либидо.

Топическая схема трансфера эдипова комплекса угадывается в дискурсе виртуальной реальности, первое понимание которой связано с ранневизантийской патрологией IV века, в частности, трудом Василия Великого «Беседы на Шестоднев», где обсуждается образ Божий в мужчине и женщине от сотворения Евы из ребра Адамова: «Некая реальность может породить другую реальность, законы существования которой не будут сводиться к законам порождающей реальности... Бог явился Отцом ради усыновления человека». То есть виртуальность понималась в значении потенции, сущности, причины и доблести [3]. Если реальное женственное качество можно охарактеризовать как «чистота» (*casta*), то, соответственно, виртуальным мужественным качеством будет доблесть, а виртуальным женственным — честь. Виртуальный смысл идиомы «мужественная женщина» дискредитирует порочную реальность «женственного мужчины». Мужественная доблесть, психически возможная, оказалась физически исключенной при переходе от доэдиповой стадии дикости «на четырех» к материализму «на двоих». Предположим, что «ребром Адама» может

оказаться ген, оперативно выключенный Богом в процессе «глубокого сна». Генетики утверждают, что кость в пенисе (os penis), имеющаяся у большинства приматов, исчезла у наших предков вместе с течкой и инцестом. Ее отсутствие породило более преданные, крепкие связи внутри пары. Кость в пенисе создает острые ощущения, но, как следствие, очень короткий половой акт. Взятие «ребра» у мужчины способствовало гиперсексуальности человека с продолжительным половым актом как части интимных, согревающих душу супружеских отношений. В результате «безреберья» античный муж обрел, по Аристотелю, *anima est entelechia et forma corporis*, благородную душу для интимного оформления чести своей женской половины: «Взял одно из ребер его и закрыл то место плотью» [Быт 2, 21]. Вожденное место, топос обретает реальный центр греческой культуры: от пояса Пенелопы до храма Парфенон (Παρθένος — Дева). Римская античность вносит в эту культуру элемент мужественной героизации. Как «виртуальность» (*virtualis*) осеменена этимолом *vir* (лат. муж), так непорочность Виргинии (*Virginia* — взятая от *vir*, мужа) овеяна легендой, по которой ее отец, плебей, не нашел другого выхода для сохранения чести дочери, как лишить ее жизни перед лицом тирана. Для ослабленного неведением небесного Отца бедняка оставался только один выход из фазы «на двоих» — это трагедия. Дальнейшее поправление «лживого богача» Отческим Логосом становится началом третьей вдохновенной стадии Веры, Надежды и Любви через Рождество Сына. Отныне виртуальным центром общей культуры человечества становится потенция возмо(у)жного мужества и акт непорочного деторождения. Логос кастрировал насильника и дегероизировал мужчину «Во имя Отца» [Ин 5, 47]. Имя есть трансфер подобия в структуре личности. Если, по Р. Кеттелу, «личность то же, что и любовь, все знают, что она есть, но не знают, что это такое», то личность любящая — *αγάπη* — утверждается в виртуальной реальности *verum corpus*, истинного тела в единстве женского и мужского как первоначально Божественного: «После разрушения сочетания души и тела потенции второго рода, составляющие начало отправления чувственной и вегетативной частей души, не могут сохраняться, но остаются в душе виртуально, как в своем первоначале или корне» [4].

Наличная честь невосполнима вне виртуального мужества выбрать горькое, как у Марии (ивр. «Горькая»), материнство вместо символической гиперопеки. Отчаянное деторождение пусть и семейных лишено виртуальности вне любви мужа. Где нехватка любви, дети рождаются «в болезнях» и требуют дополнительной виртуальности,

в первую очередь воцерковления, восполняющего ограниченность женской природы вне мужественной любви: «и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» [Быт 3, 16]. Общественное воспитание, конечно, дисциплинирует ребенка, у которого не хватает ни умственных, ни физических сил для выживания, организуя комплекс подмен и компенсаций любви. Однако все перечисленные элементы социализации лишены типичной, по Э. Фромму, для любящих мужчин виртуальной черты — «авантюризма». Под авантюрой (*фр.* *aventure*) понимается рискованное и сомнительное дело, предпринятое в надежде на случайный успех. Есть текст Священного Писания, как бы провоцирующий мужчину и женщину на остроту как копинг-тактику достижения успеха. В частности, книга Бытия изобилует историями авантюризма, от Абрахама до Фамари, сопособствующими восполнению (*supplement*) семени Израиля: «дабы мне было хорошо, ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя» [Быт 12, 14]. Если посмотреть шире, виртуальная система восполнений охватывает всю жизнь мужчины и женщины, часто надеющихся на случай как Провидение: «Не проворным достается успешный бег, не храбрым победа, не умным богатство и не искусным благорасположение, но время и случай на всех их» [Екк 9, 11]. «Спящий социальный работник» и увлечен, и одновременно отягощен работой по двум причинам: либо в свое время так и не «убоялась мужа» [Эф 5, 33], либо «внутренне рассмеялась над словом Божиим» [Быт 18, 12]. Ну кого бояться? Полагаю, что бояться жена должна не «кого», а «чего» — оставленности как жестокой социальной реальности. А для оставленной остается социальная молитва и символическая карьера. Несчастнее этого только социальная наука с ее метанарративами без текста, ибо текст есть ткань мысли и образа. Если новизна мысли или образа отсутствуют, нарратив исполняет ту же функцию, что и онанизм: «И автоэротическое дополнение, и письмо, — свидетельствует Ж. Деррида, — равно опасны для жизни: письмо разрушает живую речь, онанизм разрушает природные силы, и оба блуждают вдали от природных путей как навязчивое переживание и скрытая подоплека всего здания значений» [5]. Отношение к мастурбации в западной культуре связано с библейским грехом Онана [Быт 38] (*ивр.* «Сильного»), и «малакии» [1 Кор 5, 9]. Термин *μαλακός* — мягкий, легко поддающийся давлению, сжатию, эластичный — характеризует, вероятно, мужчин, лишенных мужественности, подмена которой «не наличествующим и не отсутствующим, не воздержанным и не наслаждающимся, всегда строящимся и никогда не достраивающимся» нарративом существо-

вания характеризует, по Деррида, структуру бессознательного, «почти непостижимую» для разума. Это не что иное, как «из круга вон выходящий» Эдипов комплекс [5].

Фертильный выбор патриархов — виртуально могущественное начало, задающее не столько культурно-гармоническое, сколько духовно-полифоническое пространство жизни с элементами авантюры и контрапункта как равноправия составляющих структуру голосов «Семухи» (бел. эквивалент Пятидесятницы, Троицы), в которой каждый из семи голосов имеет самостоятельное интонационное значение плодотворной доблести. Это, как по Э. Фромму, вмешательство, проникновение, активность, дисциплина, авантюризм. Женщины, от природы наделенные природным чувством гармонии, обладают плодотворной восприимчивостью, терпением, ригидностью, материнством, социализацией. Как гармония (хор) подавляет индивидуальную интонацию, так вербальная артикуляция доминирует над тихой мелодией любви. Поэтому динамично любящий сын не столько артикулирует, сколько прославляет (benediction) Имя Отца. Объектно-событийный подход к исследованию семейных отношений предполагает создание такой «безмятежной среды» (Я. Корчак), при которой семья обладает самодостаточным генезисом компетентности: в отношении к труду и науке как «единого на потребу» [Лк 10, 47]; в отношении к жене как к своему телу, в отношении к детям как новому миру; в отношении к супругу как к «мужу по сердцу» [1 Цар 13, 14]. Если невозможно мужу без конфронтации «на той единственной гражданской» (Б. Окуджава), то в ней он всегда получит возможность выйти из экзистенциального «Процесса» победителем, решительно войдя в ту единственную дверь, которую Фр. Кафка описал лично для него. Как для мужа единственный вход, так для жены есть единственный выход из глубин Левиафана — это родить от божественной любви «младенца мужского пола» [Откр 12, 5], то есть Логос.

Литература:

1. Постмодернизм: Энциклопедия / Ред. А.А. Грицанов и др. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. — 1040 с.
2. Шарф Д. Основы теории объектных отношений / Шарф Джил С., Шарф Дэвид Э. — М.: Когито-центр, 2009. — 304 с.
3. Настольная книга священнослужителя в 8 т. Т. 1 / По благосл. Св. Патр. Пимена. — М.: Московская Патриархия, 1988. — 800 с.
4. Крапес М., Marynarczyk A. Rozmowy o metafizyce / M. Krapec, A. Marynarczyk. — Lublin: POLSKIE TOWARYSTWO TOMASZA Z AKWINU, 2002. — 127 s.